Закон о детях

Автор:
Иэн Макьюэн

Закон о детях

Иэн Макьюэн

Интеллектуальный бестселлер

Ответственность за чужие судьбы – нелегкий груз. Судье Фионе Мей всегда казалось, что она принимает правильные, профессиональные решения.

Но очередное дело оказывается настолько непростым, что ни профессионализм, ни жесткость и бескомпромиссность не могут ей помочь. Адаму Генри необходимо переливание крови – иначе он умрет. Однако такая процедура противоречит его религии. Родители Адама, фанатично верующие люди, смирились с неизбежной смертью сына.

Адам несовершеннолетний, а значит, Фиона имеет право пренебречь волей родителей, и тогда она сохранит Адаму жизнь. Но при этом она лишит его веры, поддержки родных, заставит усомниться в их любви к нему.

Она вынесет единственно правильное, с ее точки зрения, решение, не подозревая, что изменит не только жизнь Адама Генри, но и собственную.

Иэн Макьюэн

Закон о детях

Рею Долану

При рассмотрении любого вопроса, касающегося… воспитания ребенка… первостепенной заботой суда должно быть благополучие ребенка.

Закон о детях (1989), раздел 1(а)

Ian McEwan

THE CHILDREN ACT

Copyright © 2014 by Ian McEwan

© Голышев В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1

Лондон. Летняя судебная сессия уже неделю как началась. Безжалостная июньская погода. Фиона Мей, судья Высокого суда, воскресным вечером лежит дома в шезлонге и смотрит поверх своих ступней в другой конец комнаты, на книжные полки в нише рядом с камином, сбоку высокое окно и маленькая литография Ренуара с купальщицей, куплена тридцать лет назад за пятьдесят фунтов. Возможно, фальшивая. Под ней в центре круглого орехового стола синяя ваза. Когда появилась, не вспомнить. И когда в ней цветы стояли последний раз. Камин не разжигали год. Почернелые дождевые капли изредка падают в топку, стучат по скомканной желтой газете. Широкие лощеные половицы застелены бухарским ковром. На краю поля зрения кабинетный рояль, на глубоком черном лаке крышки семейные фотографии в серебряных рамках. На полу рядом с шезлонгом, под рукой – проект судебного решения.

Фиона лежала в шезлонге, с желанием, чтобы все это провалилось в тартарары. В руке у нее был второй стакан разбавленного виски. Она еще не отошла после

тяжелого объяснения с мужем – внутри затаилась дрожь. Она редко пила, но «Талискер» с водой из-под крана успокаивал, и она подумывала, не пойти ли ей к буфету за третьим стаканом. Поменьше виски, побольше воды, потому что завтра в суд, а сейчас она была дежурным судьей, и по срочному делу к ней могли обратиться в любое время – хотя она еще не оправилась. Он сделал возмутительное заявление, повесил на нее невыносимый груз. Впервые за много лет она кричала, и слабое эхо еще звенело у нее в ушах. «Идиот! Ты идиот, твою мать!» Она не ругалась вслух со времен беззаботной ранней юности, когда наездами бывала в Ньюкасле. Правда, в мыслях крепкое словцо возникало иной раз, когда слышала корыстные показания или ссылку на не относящуюся к делу статью закона.

А потом, после недолгой паузы, задыхаясь от негодования, сказала громко и не меньше, чем два раза: «Как ты смеешь!»

Это даже не было вопросом, но он спокойно ответил: «Мне это нужно. Мне пятьдесят девять лет. Это мой последний заход. Доказательств загробной жизни я пока не слышал».

Претенциозное замечание, и она не нашлась с ответом. Просто смотрела на него – возможно, раскрыв рот. Теперь, в шезлонге, задний ум сработал, реплика нашлась. «Пятьдесят девять? Джек, тебе шестьдесят! Это жалко, это пошло».

На самом деле ей удалось выдавить: «Это просто смехотворно».

«Фиона, когда мы последний раз спали?»

Когда? Он и раньше спрашивал об этом, иногда жалобно, а иногда ворчливо. Но недавнее прошлое, заполненное делами, бывает трудно разобрать в памяти. Отделение по делам семьи было загружено странными конфликтами, особыми ходатайствами со ссылками на новые факты, полуправдами об интимных делах, экзотическими обвинениями. Как и во всех других отраслях судопроизводства, тонкие детали и обстоятельства надо было схватывать быстро. На прошлой неделе она рассматривала спор разводящихся родителей-евреев, в разной степени ортодоксальных, по поводу образования их дочерей. Проект решения лежал рядом с ней на полу. А завтра снова предстанет перед ней отчаявшаяся англичанка, худая, бледная, образованная и, несмотря на заверения суда, убежденная в том, что дочь у нее отнимет отец, марокканский бизнесмен,

правоверный мусульманин, и увезет в Рабат, где он намерен обосноваться и начать новую жизнь. В остальном – обычные тяжбы о местопребывании детей, о домах, пенсиях, заработках, наследствах. В Высокий суд обращаются обеспеченные люди. Богатство чаще всего не приносит продолжительного счастья. Родители быстро осваиваются с новым лексиконом и формальностями законоотправления и сами изумляются, что ведут ожесточенную борьбу с тем, кого они когда-то любили. А за кулисами мальчики и девочки, которых в документах называют по именам, испуганные маленькие Бены и Сары, прижавшись друг к другу, ждут, когда боги над ними доведут сражение до победного конца – в Суде по семейным делам, в Высоком суде и, наконец, в Апелляционном.

У всех этих горестей было много общего – люди похожи, – но она не переставала дивиться. Она верила, что вносит разумность в безнадежные ситуации. И в целом верила в нормы семейного права. В оптимистические минуты считала важной вехой в развитии цивилизации законодательный акт, поставивший нужды ребенка выше родительских. Дни ее были заполнены, а вечерами в последнее время – то разные ужины, иногда в Миддл-темпле[1 - Линкольнз-инн, Миддл-темпл, а также Иннер-темпл и Грейз-инн – четыре судебных инна, корпорации барристеров, т. е. адвокатов, имеющих право выступать в высших судах.], по случаю выхода коллеги на пенсию, то концерт в Кингс-Плейсе (Шуберт, Скрябин) – и такси, метро, забрать вещи из чистки, составить письмо насчет спецшколы для сына уборщицы, аутиста, и, наконец, сон. А когда был секс? Теперь уже и не вспомнить.

– Я не веду записей.

Муж развел руками: ваша честь, я закончил…

Он прошел в другой конец комнаты и налил себе виски – теперь он пил «Талискер». Последнее время он как будто стал выше, двигался живее. Пока он стоял спиной к ней, ее охватило ледяное предчувствие отверженности, унижения – ее оставят ради молодой женщины, покинут, ненужную и одинокую. Подумала: может, просто согласиться на все, чего он хочет, – но отбросила эту мысль.

Он вернулся к ней со своим стаканом. Белого вина не предложил, как обычно делал в это время.

– Чего ты хочешь, Джек?

– Я хочу завести роман.

– Ты хочешь развода?

– Нет. Хочу, чтобы все оставалось по-прежнему. Без обмана.

– Не понимаю.

– Понимаешь. Не ты ли однажды сказала, что в долгом браке пары приходят к отношениям брата и сестры? Мы пришли, Фиона. Я стал тебе братом. Это уютно и мило, и я люблю тебя, но, прежде чем умру, хочу большого страстного романа.

Она охнула от изумления, а он, услышав в этом насмешку, грубо сказал:

– Восторг, когда почти теряешь сознание от остроты происходящего? Помнишь, как это бывает? Хочу испытать напоследок, даже если ты не хочешь. Или, может быть, хочешь.

Она смотрела на него, не веря своим ушам.

– Вот так.

Тут к ней вернулся голос, и она сказала ему, какой он идиот. У нее были твердые представления о приличиях. И оттого, что он никогда ей не изменял, насколько она знала, его предложение прозвучало еще возмутительнее. А если изменял когда-то, то изумительно ловко. Она уже знала имя женщины. Мелани. Похоже на название смертельного рака кожи. Она понимала, что ее может раздавить этот его роман с двадцативосьмилетней девицей-статистиком.

– Если ты это сделаешь, между нами все кончено. Все очень просто.

– Это угроза?

– Торжественное обещание.

Но она уже взяла себя в руки. И в самом деле просто. Свободный брак следовало предлагать до свадьбы, а не тридцать пять лет спустя. Рискнуть всем, что у них было, ради краткого чувственного увлечения! Когда она пыталась вообразить нечто подобное для себя – «последний взбрык», а у нее первый, – мысли приходили только о раздрае, тайных свиданиях, разочаровании, телефонных звонках не вовремя. Липкие занятия с новым, непривычным партнером в постели, новоизобретенные нежности – все фальшь. А в конце – необходимость развязаться и тяжкий труд быть искренней и откровенной. Все уже будет не то после возвращения. Нет, она предпочитает несовершенное существование – то, что сейчас.

Но в шезлонге ей открылся подлинный размер обиды – его готовность уплатить за удовольствие ее страданием. Жестоко. Ей случалось видеть, как он идет напролом, не учитывая других, чаще – с благой целью. А это было что-то новое. Что изменилось? Наливая себе виски, он стоял с прямой спиной, расставив ноги; пальцы свободной руки шевелились в такт мелодии, звучавшей у него в голове, – может быть, песни, слышанной вдвоем, но вдвоем не с ней. Причиняет ей боль, и его это не волнует – вот что новое. Он всегда был добрым, верным и добрым, а доброта, как подтверждалось ежедневно в Отделении по делам семьи, была существенным человеческим качеством. Фиона обладала правом отобрать ребенка у недоброго родителя – и иногда отбирала. Но себя отнять от недоброго мужа? Когда она слаба и несчастна? Где судья, ее заступник?

Ей не нравилась в людях жалость к себе, и она себе этого не позволит. Она в третий раз налила себе виски. Налила символически, добавила воды побольше и опять легла. Да, такой разговор стоило бы записать. Важно запомнить его, точно оценить размер обиды. Когда она пригрозила разводом, если он настоит на своем, он только повторил свои слова – что он ее любит, всегда будет любить, что нет другой жизни, кроме этой, что его неудовлетворенные сексуальные потребности делают его несчастным, и теперь это последний шанс для него, он хочет им воспользоваться, не скрывая от нее, и, надеется, с ее согласия. Он с ней откровенен. Он мог бы сделать это «за ее спиной». За ее худой, непреклонной спиной.

– О, это порядочно с твоей стороны, Джек, – тихо сказала она.

– Ну в самом деле… – он не закончил.

Она подумала, что сейчас он скажет: у нас уже началось, – и не в силах была бы это услышать. Да и нужды в этом не было. Все было ясно. Хорошенькая женщина-статистик рассчитывает на то, что вряд ли муж вернется к озлобленной жене. Фиона мысленно видела все это: солнечное утро, незнакомая ванная комната, Джек, еще довольно мускулистый, нетерпеливо, как бывало, стягивает через голову полотняную рубашку, бросает в направлении корзины с грязным бельем, и рубашка, зацепившись только рукавом, сползает на пол. Конец. Это произойдет – с ее согласия или без.

– Ответ: нет. – Она произнесла это с повышением голоса, как строгая учительница. И добавила: – Какого еще ответа ты ожидал?

Она ощущала бессилие и хотела закончить разговор. К завтрашнему утру надо было отредактировать постановление суда для публикации в «Фэмили лоу рипортс». Решение о судьбе двух еврейских школьниц она уже вынесла в суде, но текст надо было пригладить, отдав должное благочестию семьи, чтобы не было повода для апелляции. Летний дождь стучал в окна; издали, из-за Грейз-инн-сквер, доносилось шипение шин по мокрому асфальту. Он уйдет от нее, а мир будет жить, как жил.

Лицо у него было жестким, он пожал плечами и пошел из комнаты. Она смотрела на его спину все с тем же холодным ужасом. Она бы окликнула его, но боялась, что он не обернется. И что она могла сказать? Обними меня, поцелуй, и будь по-твоему. Она услышала его шаги в коридоре, громко закрылась дверь их спальни, и в квартире повисла тишина; тишина, только дождь, не прекращавшийся месяц.

* * *

Сначала факты. Оба супруга – из ортодоксальной общины харедим на севере Лондона. Бернстайнов поженили родители, возражений не предполагалось. Поженили, но не насильно, с редким единодушием утверждали супруги. Прошло тринадцать лет, и сохранить брак стало невозможно – к такому выводу пришли и посредник, и социальный работник, и судья. Супруги расстались. Не без труда разделили обязанности по уходу за детьми. Рэчел и Нора жили с матерью и постоянно общались с отцом. Брак начал расстраиваться уже в первые годы. После сложных вторых родов и радикальной операции мать больше не могла зачать. Отец же мечтал о многодетной семье, и так начался болезненный распад. После периода депрессии (длительного, по утверждению отца,

короткого, по словам матери) она приступила к занятиям в Открытом университете, получила хорошую квалификацию и, когда младшая дочь пошла в школу, стала учительницей младших классов. Отца и многих родственников это не устраивало. У харедим, сохранявших вековые традиции, женщинам полагалось растить детей – чем больше, тем лучше – и вести домашнее хозяйство. Университетский диплом и служба были чем-то весьма необычным. Это объяснил в суде пожилой и уважаемый член общины, которого отец пригласил свидетелем.

Мужчины тоже не получали обычного образования. Лет с пятнадцати им полагалось большую часть времени уделять изучению Торы. В университетах они, как правило, не учились. Отчасти поэтому харедим были люди скромного достатка. Но не Бернстайны, хотя и им это грозит после расплаты с юристами. У деда была доля в патенте на машину для извлечения косточек из оливок, и он передал деньги супругам в совместное пользование. Они предполагали истратить их все на своих адвокатесс – обеих судья хорошо знала. На первый взгляд спор шел об образовании дочерей. Но по сути под вопросом была вся ситуация взросления девочек. Это был бой за их души.

Обучение у мальчиков и девочек харедим было раздельным, дабы сохранить их чистоту. Модная одежда, телевизор и Интернет были под запретом, так же – и общение с детьми, которым дозволялись подобные развлечения. Так же и с семьями, где нестрого соблюдались кошерные правила. Все стороны повседневного существования были строго подчинены обычаям. Проблемы начались с матери, которая отошла от общины, но не от иудаизма. Вопреки воле отца она отправила девочек в еврейскую среднюю школу с совместным обучением, где были разрешены телевизор, поп-музыка, Интернет и общение с нееврейскими детьми. Она хотела, чтобы дочери продолжали учебу после шестнадцати лет и поступили в университет, если захотят. В заявлении она написала, что хочет, чтобы дочери больше узнали о жизни других людей, обладали терпимостью, чтобы перед ними открылись профессиональные перспективы, которых она сама была лишена, а когда вырастут, стали бы финансово независимыми и могли найти мужей, которые помогут им содержать семью. В отличие от ее мужа, изучающего и восемь часов в неделю преподающего Тору бесплатно.

При всей разумности ее доводов Джудит Бернстайн – худое бледное лицо, непокрытая голова с курчавыми рыжими волосами, забранными большой синей заколкой, – была фигурой, несколько обременительной в суде. Нервными

веснушчатыми пальцами она беспрерывно передавала записочки своей защитнице, беззвучно вздыхала и закатывала глаза, когда говорила адвокатесса мужа, суетливо рылась в большой сумке из верблюжьей кожи и в какой-то неприятный момент посреди долгого слушания вынула пачку сигарет с зажигалкой – предметы, безусловно вызывающие, по понятиям мужа, – и положила их перед собой, дожидаясь конца заседания. Все это Фиона наблюдала сверху, но не показывала вида.

Муж в своем письменном заявлении стремился убедить судью, что его жена – эгоистичная женщина, «плохо владеющая собой» (в семейных делах – обычное и зачастую взаимное обвинение), она пренебрегла брачным обетом, спорила с его родителями и с общиной, отре?зала детей и от них, и от общины. Напротив, заявила Джудит, это свекор и свекровь, не признающие современного мира и в том числе средств информации, отказались видеть ее и детей, пока они не вернутся к надлежащему образу жизни и кошерной, в их понимании, кухне.

Мистер Джулиан Бернстайн, высокий, как тростинка вроде тех, где спрятали младенца Моисея, склонился над бумагами, свесив грустно покачивающиеся пейсы, между тем как его адвокатесса обвиняла жену в неспособности отличить интересы детей от своих интересов. То, в чем они, по ее словам, нуждаются, на самом-то деле хочется ей самой. Она хочет вырвать девочек из надежного, теплого, привычного мира, строгого, но исполненного любви, самобытного мира, чьи правила и обычаи предусмотрены на все случаи жизни, чьи методы проверены веками, чьи обитатели, как правило, реализуют себя полнее и более счастливы, чем в секулярном потребительском обществе, где духовная жизнь выхолощена, а массовая культура принижает женщин и девочек. Ее устремления легкомысленны, ее методы непочтительны и даже пагубны. Она любит детей гораздо меньше, чем себя.

На это Джудит хрипло возразила, что нельзя принизить человека – мальчика ли, девочку – больше, чем отказывая ему в приличном образовании и достойной работе, что все детство и раннюю юность она слышала, что единственная в ее жизни цель – хорошо вести домашнее хозяйство и заботиться о детях, и это тоже принижало ее, лишая права выбирать себе цели самостоятельно. Когда она с большими трудностями получала образование в Открытом университете, это было встречено насмешками, презрением и проклятиями. Она дала себе слово, что избавит девочек от подобных притеснений. Адвокаты тяжущихся были согласны в том (ибо таково, очевидно, было мнение судьи), что вопрос не только в образовании. Суд в интересах детей должен выбрать между полным

соблюдением религиозных предписаний и чем-то менее строгим. Это выбор культуры, социальной принадлежности, менталитета, устремлений, характера семейных отношений, основополагающих принципов и пока неизвестного будущего.

В таких делах была подспудная предрасположенность к сохранению статус-кво, если оно выглядело благополучным. Постановление Фионы занимало двадцать одну страницу, они были веером разложены на полу, дожидаясь, когда она начнет брать их по одной и делать мягким карандашом пометки.

Из спальни ни звука, только шум машин на мокрой улице. Она злилась на себя, что прислушивается, затаив дыхание, не скрипнет ли дверь или половица. И хочет этого, и страшится.

Коллеги хвалили Фиону Мей – даже за глаза – за чеканную прозу, почти ироническую, почти душевную, и за умение сжато сформулировать суть спора. Слышали, как сам лорд главный судья за общим ужином отозвался о ней вполголоса: «Божественная дистанция, дьявольская проницательность и при этом красиво». По ее собственному мнению, она с каждым годом все больше склонялась к строгости, которую могли бы назвать педантизмом, к неопровержимому толкованию, которое может когда-то стать цитируемым, как Хоффман в «Пигловска против Пигловски», или Бингем, или Уорд, или непременный Скарман – здесь она всех их использовала. Невычитанная первая страница, выгнувшись, свисала с ее пальцев. Грядет перемена в ее жизни? Зашепчутся в ужасе ее ученые друзья за обедом – здесь или в Линкольнз-инне, или в Миддл-темпле: «И она вышвырнула его?» Из чудесной квартиры Грейз-инна, где она будет вековать одна, пока арендная плата или сами годы, набухая, как хмурая Темза в прилив, не вынесут и ее оттуда?

К делу. Первый раздел: «Предыстория вопроса». После обычных сведений о семейной ситуации, местожительстве детей и контактах с отцом она отдельно описала общину харедим, где религия полностью определяет образ жизни. Различие между кесаревым и Божьим лишено смысла так же, как для правоверного мусульманина. Карандаш ее завис над страницей. Подверстывать еврея к мусульманину – не лишнее ли, не покажется ли вызывающим, по крайней мере, отцу? Только если он неразумен, а ей он таким не кажется. Оставим как есть.

Второй раздел был озаглавлен: «Моральные противоречия». Суд просят выбрать форму образования для двух девочек, сделать выбор между ценностями. А в подобных делах апелляция к тому, что считается принятым в обществе, мало что дает. Здесь она и процитировала Хоффмана: «Это ценностные суждения, в которых разумные люди могут расходиться. Поскольку судьи тоже люди, это означает, что некоторые расхождения и у них неизбежны…»

В последнее время у нее появился вкус к подробным уточняющим отступлениям, и здесь она посвятила несколько сотен слов определению благополучия и критериев, по которым его надо оценивать. Следуя лорду Хейлшему, она писала, что этот термин неотделим от благосостояния и включает в себя все, что относится к развитию ребенка как личности. Сославшись на Тома Бингема, она писала, что вопрос следует рассматривать в средне- или долгосрочной перспективе, имея в виду, что сегодняшний ребенок может дожить до двадцать второго века. Она процитировала судебное решение лорда судьи Линдли от 1893 года, где говорилось, что благополучие нельзя понимать в чисто финансовом смысле или просто в плане физического комфорта. Она возьмет это понятие в как можно более широком смысле. Благосостояние, счастье, благополучие – все это должна охватывать философская концепция хорошей жизни. Она перечислила некоторые важные составляющие, цели, к которым может быть направлено развитие ребенка. Экономическая и нравственная свобода, добродетель, способность к состраданию и альтруизм, решение серьезных задач, приносящее удовлетворение, живой круг общения, уважение окружающих, стремление придать жизни высокий смысл и сохранить самые важные связи с небольшим количеством людей, которые определяются прежде всего любовью.

Да, по этому последнему показателю она банкрот. Стакан с разбавленным виски, нетронутый, стоял рядом; желтый цвет, напоминавший мочу, и назойливый деревянный запах вызывали теперь отвращение. Ей бы сейчас как следует разозлиться, поговорить со старой подругой – таких еще несколько было, – войти в спальню, потребовать разъяснений… Но ощущение было такое, что сама она сжалась в геометрическую точку тревоги из-за неоконченного дела. К завтрашнему утру проект решения должен быть сдан в распечатку, она должна работать. Ее личная жизнь ничего не значит. Не должна значить. А мысли по-прежнему бегали между листком у нее в руке и закрытой дверью спальни. Она заставила себя прочесть длинный абзац, в котором засомневалась еще тогда, когда зачитывала его в суде. Но что плохого в решительной констатации очевидного? Благополучие – социально. Сложная сеть отношений с членами семьи и друзьями – критическая составляющая. Ни один ребенок не остров.

Человек – общественное животное, по знаменитому выражению Аристотеля. С четырьмя сотнями слов на эту тему она пустилась в плавание, и паруса ей наполняли ученые ссылки (на Адама Смита, на Джона Стюарта Милля). Каждое хорошее решение требует цивилизованного кругозора.

Далее: благополучие – понятие изменчивое, оценивать его надо по меркам разумных мужчин и женщин своего времени. То, что устраивало в прошлом поколении, сегодня может оказаться недостаточным. Опять-таки не дело светского суда выбирать между религиозными верованиями, решать теологические споры. Все религии заслуживают уважения при условии, что они «приемлемы социально и с точки зрения законности», как выразился лорд судья Перчес, и, в более мрачной формулировке лорда судьи Скармана, не являются «нравственно и социально ущербными».

Суды должны с осторожностью отстаивать интересы ребенка вопреки религиозным принципам родителей. Но иногда обязаны. Когда же? Она привела цитату из своего любимца, мудрого лорда судьи Манби в Апелляционном суде: «Бесконечное разнообразие человеческих обстоятельств исключает произвольное толкование». Замечательный шекспировский штрих. «Ни за что не бросит. / Ни возрасту не иссушить ее, / ни вычерпать привычке не дано/ Ее бездонного разнообразья»[2 - Шекспир У. «Антоний и Клеопатра» (пер. О. Сороки).]. Эти слова сбили ее с панталыку. Она знала речь Энобарба наизусть – играла его в студенчестве. Играли одни женщины, солнечным летним днем в сквере на площади Линкольнз-инн-филдс. Только что свалив последние экзамены с натруженных плеч. Примерно в это время влюбился в нее Джек, а вскоре – и она в него. Первый раз они легли в одолженной мансарде под раскаленной крышей. Неоткрывавшееся круглое окно смотрело на кусочек Темзы за Лондонским мостом.

Она подумала о будущей – или действующей – любовнице, статистичке Мелани – она видела ее один раз: молчаливая молодая женщина с тяжелыми янтарными бусами и пристрастием к туфлям на шпильках, губительницах дубовых полов. «В то время как другие пресыщают, / Она тем больше возбуждает голод, / Чем меньше заставляет голодать»[3 - Шекспир У. «Антоний и Клеопатра» (пер.М. Донского).]. Может быть, именно так – отравное наваждение, зависимость, оторвавшая его от дома, искривившая его, стершая все, что у них было, – и в прошлом, и в будущем, и в настоящем тоже. Или Мелани, как и сама Фиона, – из этих «других», которые пресыщают, и через две недели он вернется, насытившись, – и будет строить планы на выходные уже с ней.

И так, и эдак – невыносимо.

Невыносимо – и гипнотизирует. И не относится к делу. Она заставила себя вернуться к страницам, к сводке показаний обеих сторон – внятной и холодно сочувственной. Далее – отчет социального работника, назначенного судом. Полная доброжелательная молодая женщина, иной раз запыхавшаяся, с нерасчесанными волосами, с незастегнутой пуговицей на блузке, выбившейся из-под пояса. Неорганизованная, дважды опоздавшая на слушания из-за каких-то сложностей с ключами от машины, где были заперты документы, и с дочкой, которую надо было забрать из школы.

Но не в пример обычным гладким рапортам «и тот и другой родитель правы», оценка этой женщины из судебно-консультативной службы по делам детей и семьи была разумной, даже проницательной, и Фиона процитировала ее одобрительно. Далее?

Она подняла голову и увидела мужа в другом конце комнаты – он наливал себе виски – много, пальца на три, а то и на четыре. Босиком – профессор с богемными привычками, летом он часто ходил так по дому. Потому и вошел бесшумно. Видимо, лежал на кровати, полчаса смотрел на кружевную лепнину потолка и размышлял о ее неразумии. По напряжению в ссутуленных плечах, по тому, как вбил ладонью пробку в горлышко, понятно было, что пришел спорить. Знакомые признаки.

Не разбавив виски, он повернулся и пошел к ней. Еврейские девочки Рэчел и Нора, должно быть, парили у нее за спиной, как христианские ангелы, и ждали. У их мирской богини были свои затруднения. С ее позиции внизу ей были хорошо видны ногти на его ногах, аккуратно подстриженные, с чистыми молодыми лунками, без грибковых полосок, как у нее. Он поддерживал форму теннисом в университете и гантелями, делая с ними сто упражнений ежедневно. А она разве что таскала портфель с документами по судебным помещениям да по лестницам поднималась пешком, вместо лифта. Он был интересный мужчина, слегка встрепанный, с квадратным, несколько асимметричным подбородком и зубастой проказливой улыбкой, пленявшей студентов – их удивляла эта бесшабашность в профессоре древней истории. Фионе в голову никогда не приходило, что он способен завести шашни со студенткой. Теперь все выглядело иначе. Всю жизнь разбираясь с человеческими слабостями, она, возможно, оставалась наивной, бездумно делая исключение для себя с мужем. Его единственная не академическая книга – бойкая биография Юлия Цезаря – даже

принесла ему нешумную, но почтительную славу. Какая-нибудь бесстыжая девчонка-второкурсница могла его соблазнить. У него в кабинете был или до сих пор есть диванчик. И табличка Ne Pas Deranger[4 - Не беспокоить (фр.).], украденная из отеля «Де Крийон» под конец их давнего медового месяца. Это были новые мысли – червь сомнения вползал в прошлое.

Он сел в ближайшее кресло.

– Ты не могла ответить на мой вопрос, поэтому я тебе скажу. Семь недель и один день назад. По правде – тебе этого довольно?

Она тихо сказала:

– Ты уже спишь с ней?

Он знал, что на трудный вопрос лучше всего ответить вопросом.

– Ты думаешь, мы стары? В этом дело?

Она сказала:

– Потому что, если вы уже, я хочу, чтобы ты собрал чемодан и ушел.

Предложение во вред себе, необдуманное, ее ладья в обмен на его коня – глупость, и нет пути назад. Если останется – унижение; уйдет – пропасть.

Он сел поглубже в кресле – дерево, кожа, обойные гвозди, что-то от средневековых пыток. Она никогда не любила викторианскую готику, а сейчас – особенно. Он положил ногу на ногу и глядел на нее, наклонив голову набок, терпеливо или с жалостью, и она отвела глаза. Семь недель и один день – в этом слышалось тоже что-то средневековое, из приговора старинных ассизов. Ее беспокоило, что она должна дать ответ по иску. Много лет у них была приличная половая жизнь, регулярная, чувственная, без сложностей – в будни рано утром, как только просыпались, пока заботы рабочего дня не ворвались через плотные шторы спальни. По выходным – ближе к вечеру, иногда после тенниса на Мекленбург-сквер, парных игр, с обменом партнерами. Ошибки партнера зачеркивались сменой. На самом деле весьма приятная половая жизнь и

функциональная – в том смысле, что плавно подвигала их к дальнейшему существованию. И не обсуждалась, что было еще одним ее достоинством. У них даже не было для этого лексикона – почему еще так больно стало, когда он об этом заговорил, и почему она почти не замечала убывания пыла и частоты.

Но она всегда любила его, всегда была ласкова, верна, внимательна – совсем недавно, в прошлом году, нежно ухаживала за ним, когда он сломал запястье и ногу в Мерибеле во время дурацкого лыжного спуска наперегонки со старыми школьными друзьями. Она тешила его, садилась верхом, и вспомнила сейчас, как он ухмылялся, лежа в своих гипсовых доспехах. Она не знала, как на все это сослаться в свою защиту, да и нападали на нее по другому поводу. Не преданности у нее не хватало, а страсти.

А потом – возраст. Не полное увядание, еще нет, но брезжило, проглядывало, как, бывает, проглянет при определенном освещении в лице десятилетнего взрослый. Если Джек, развалившийся напротив, выглядел нелепо с таким разговором, то насколько же нелепее выглядела, наверное, она в его глазах. Белые волосы у него на груди, которыми он все еще гордился, кудрявились в расстегнутом вороте, докладывая, что они уже не черные, макушка оголилась на монашеский манер – для компенсации, но неубедительной, он отрастил длинные волосы, икры стали менее мускулистыми и не заполняли штанины джинсов; в глазах уже тень будущей рассеянности и под стать ей слегка запавшие щеки. Так что сказать тогда о кокетливо оплывших щиколотках, кучевым облаком набухающем заде, раздавшейся талии, отступающих деснах? Все это пока – в параноидных миллиметрах. Что еще хуже – особая обида, припасенная годами для некоторых женщин, – углы рта у нее начали опускаться с выражением постоянной укоризны. Уместно у судьи, который хмурится со своего трона на адвоката. Но у возлюбленной?

И вот они, как юнцы, приготовились обсуждать друг друга в деле Эроса.

Сообразительный в тактике, он проигнорировал ее ультиматум. И сказал:

– Я не считаю, что мы должны отказаться друг от друга. Ты.

– Это ты уходишь.

– Думаю, и ты к этому причастна.

– Не я готова разрушить наш брак.

– Это твое мнение.

Он произнес эти три слова рассудительно, запустив их в дупло ее неуверенности, зная, что в любом сложном конфликте она склонна сомневаться в своей правоте.

Он осторожно глотнул виски. Он не собирался отстаивать свои потребности в пьяном виде. Он будет серьезен и рассудителен – она предпочла бы, чтобы он был скандально неправ.

Глядя ей в глаза, он сказал:

– Ты знаешь, что я тебя люблю.

– Но хочешь кого-нибудь помоложе.

– Я хочу половой жизни.

Тут бы ей дать ласковые обещания, привлечь его к себе, извиниться, что была занята, или устала, или была неотзывчива. Но она отвела взгляд и ничего не сказала. Она не собиралась обещать из-под палки, что оживит их постельные отношения, к которым не испытывала сейчас вовсе никакой тяги. Тем более подозревая, что он уже сошелся на стороне. Он не потрудился это отрицать, а она не желала спрашивать еще раз. Не только из гордости. Она страшилась ответа.

– Ну, – сказал он после долгой паузы. – Ты согласна?

– Под дулом пистолета?

– В каком смысле?

– Или я исправляюсь, или ты идешь к Мелани.

Она полагала, что он прекрасно понял смысл ее слов, но хотел услышать, как она назовет вслух имя женщины, чего она до сих пор избегала. При этом имени в лице его что-то дрогнуло слегка или напряглось – беспомощный маленький тик чувственного возбуждения. У нее вдруг закружилась голова, словно упало и тут же подскочило давление. Она села в шезлонге и опустила на ковер лист с текстом решения.

– Вопрос стоит не так, – сказал он. – Слушай, попробуем взглянуть с другой стороны. Поставь себя на мое место, а меня на свое. Как бы ты поступила?

– Я не стала бы искать мужчину, а потом вступать с тобой в переговоры.

– А что бы ты сделала?

– Я бы выяснила, что тебя беспокоит. – Собственный голос звучал официально в ее ушах.

Он картинно протянул к ней обе руки.

– Отлично! – Сократический метод. Без сомнения, он использовал его со студентами. – Так что же тебя беспокоит?

При всей глупости и нечестности диалога это был единственный вопрос, и она на него напросилась, но Джек раздражал, раздражала его снисходительность, и она не ответила, а посмотрела мимо него на рояль, к которому почти не подходила две недели, на фотографии в серебряных рамках, расставленные на нем как в загородном доме. Обе родительские пары, от дня свадьбы до нынешней старости, его три сестры, ее два брата, их мужья и жены, нынешние и бывшие (они, проявив нелояльность, никого не убрали), одиннадцать племянников и племянниц и тринадцать, в свою очередь, их детей. Жизнь разрослась до целой небольшой деревни на крышке рояля. В этом они с Джеком не поучаствовали никак, если не считать семейных сборов, почти еженедельных подарков на дни рождения, разновозрастных отпусков в недорогих замках. У себя в квартире они принимали многих родственников. В конце прихожей был глубокий стенной шкаф с раскладушкой, детским стульчиком, манежем и тремя корзинами с покусанными и полинялыми игрушками, дожидавшимися следующего прибавления. А этим летом ждал их решения замок в десяти милях к северу от Аллапула. Скверно отпечатанная брошюра обещала действующий

подъемный мост надо рвом и подземелье с крюками и кольцами на стене. Вчерашние пытки захватывающе действовали на молодняк. Она опять вспомнила средневековую фразу «семь недель и один день» – период этот начался с заключительной стадии дела о сиамских близнецах.

Вся жуть, и жалость, и сама дилемма были запечатлены на фотографии, показанной судье и больше никому. Новорожденные сыновья ямайско-шотландской четы лежали валетом в реанимационной кровати, опутанные трубками системы жизнеобеспечения. Они срослись в области таза, у них был общий торс, и растопыренные ноги торчали под прямым углом к позвоночникам, наподобие морской звезды. Метр, прикрепленный сбоку к инкубатору, показывал, что этот беспомощный человеческий сросток имеет в длину шестьдесят сантиметров. Их позвоночники у них срослись у основания, глаза были закрыты, четыре руки подняты – они сдавались на милость суда. Их апостольские имена – Мэтью и Марк – не способствовали трезвой оценке ситуации некоторыми участниками. Голова у Мэтью была раздутая, уши – просто ямки в розовой коже. Голова Марка в чепчике новорожденного – нормальная. У них был один общий орган – мочевой пузырь, большей частью размещавшийся в брюшной полости Марка и, как отметил консультант, «опорожнявшийся свободно и самопроизвольно через две отдельные уретры». Сердце у Мэтью было большое, но «едва сокращалось». Аорта Марка соединялась с аортой Мэтью, и сердце Марка работало на обоих. Мозг Мэтью был сильно деформирован и несовместим с нормальным развитием, в его грудной полости не было функциональной легочной ткани. Как сказала одна из медсестер, «ему нечем кричать без легких».

Марк сосал нормально, питаясь и дыша за двоих, делая «всю работу», и потому был ненормально худ. Если оставить все как есть, сердце Марка рано или поздно не справится, и оба умрут. Мэтью вряд ли проживет больше шести месяцев. Он умрет и заберет с собой брата. Лондонской больнице срочно требовалось разрешение разделить близнецов, чтобы спасти Марка, у которого был шанс стать нормальным здоровым ребенком. Для этого хирургам надо было пережать, а затем перерезать общую аорту и тем самым умертвить Мэтью. А затем уже приступить к сложным восстановительным операциям на Марке. Любящие родители, набожные католики, отказались разрешить убийство. Бог дал жизнь, и только Бог может ее отнять.

В памяти жил и мешал сосредоточиться ужасный долгий гам, вопли тысячи автосигнализаций, тысячи исступленных ведьм, придававшие реальность

заезженной фразе: «кричащий заголовок». Врачи, священники, теле- и радиоведущие, газетные комментарии, коллеги, родственники, таксисты – у всех в обществе было свое мнение. Детали истории были захватывающие: трагедия младенцев, добросердечные, серьезные, красноречивые родители, обожающие друг друга и своих детей, жизнь, любовь, смерть, время не терпит. Хирурги в масках против веры в сверхъестественное. Что до спектра мнений, на одном краю – прагматичная светская позиция с презрением к юридическим тонкостям и с простым моральным уравнением: один спасенный ребенок лучше двух мертвых. На другом – не только твердо убежденные в существовании Бога, но и уверенные, что понимают Его волю. В начале своего решения процитировав лорда судью Уорда, Фиона напомнила сторонам: «Этот суд – суд закона, а не морали, и задачей нашей было найти, а долгом – применить соответствующие принципы закона к данной ситуации – ситуации, не имеющей аналогов».

У этого мрачного спора был только один желательный, то есть менее нежелательный исход, но законный путь к нему был нелегок. В спешке, под шум общественности, ждущей решения, Фиона за неполную неделю и в тринадцати тысячах слов проложила приемлемый маршрут. По крайней мере, его счел таковым еще более стесненный во времени Апелляционный суд – на другой день после того, как она вынесла решение. Не может быть никаких оснований для вывода, что одна жизнь стоит больше другой. Разделить близнецов – значит умертвить Мэтью. Не разделить – убить обоих в результате бездействия. Юридический и моральный выбор крайне ограничен, и приходится выбрать меньшее из зол. И все же судья обязан максимально учесть интересы Мэтью. Ясно, что это не смерть. Но и жизнь – вариант исключенный. У него рудиментарный мозг, отсутствуют легкие, не работает сердце, возможно, он испытывает боль и обречен умереть, причем скоро.

Фиона утверждала – и ее необычная формулировка была принята Апелляционным судом, – что у Мэтью, в отличие от брата, нет интересов.

Но если меньшее из зол предпочтительно, это еще не значит, что оно законно. Как можно оправдать убийство – вскрытие тела Мэтью и перерезание аорты? Фиона отвергла аргумент, который предлагал ей юрист больницы: что разделение близнецов аналогично отключению жизнеобеспечивающей аппаратуры, которой служил для Мэтью Марк. Инвазивное вмешательство, нарушение целостности тела Мэтью нельзя рассматривать просто как прекращение лечения. Вместо этого она нашла аргумент в «доктрине необходимости», принципе общего права, что в некоторых исключительных

обстоятельствах, определить которые не возьмется ни один парламент, допустимо нарушать уголовный закон, дабы предотвратить большее зло. Она сослалась на воздушных пиратов, которые захватили самолет, вынудили сесть в Лондоне, терроризировали пассажиров, но не были признаны виновными ни по одному пункту, поскольку действовали так, спасаясь от преследований на родине.

С точки зрения мотива – вопрос первостепенной важности, – цель хирургического вмешательства не убить Мэтью, а спасти Марка. Мэтью своей беспомощностью убивает Марка, и врачам должно быть позволено прийти на помощь Марку и предотвратить летальный исход. Мэтью умрет после разделения не потому, что будет умышленно убит, а потому, что самостоятельно существовать не может.

Апелляционный суд согласился, апелляцию родителей отклонил, и через два дня в семь часов утра близнецов привезли в операционную.

Коллеги, наиболее ценимые Фионой, искали ее, чтобы пожать ей руку, или присылали такие письма, какие не грех хранить в отдельной папке. По мнению посвященных, ее решение было отточенным и корректным. Восстановительные операции прошли для Марка успешно, интерес публики угас и переключился на другое. Но она была угнетена, не могла отделаться от мыслей, часами лежала по ночам без сна, прокручивала в голове детали, меняла формулировки в некоторых местах своего решения, пробовала другой подход. Или застревала на привычных мыслях, в том числе – о своей бездетности. В то же время стали приходить конвертики пастельных цветов с ядовитыми письмами истовых. Все они были недовольны ее решением и считали, что обоим детям надо было позволить умереть. Некоторые выражались оскорбительно, некоторые мечтали расправиться с ней. Кое-кто из них утверждал, что ему известен ее адрес.

Эти напряженные недели оставили свой след, он только-только начал стираться. Что именно ее беспокоило? Вопрос мужа она обращала к себе сама, а он сейчас ждал ответа. Перед разбирательством она получила представление от католического архиепископа Вестминстерского. В своем решении она отметила почтительным абзацем, что архиепископ предпочитает, чтобы Марк умер вместе с Мэтью, дабы не препятствовали Божьему замыслу. То, что священнослужитель готов зачеркнуть возможность полноценной жизни из теологических соображений, ее не удивило и не обеспокоило. У закона были похожие проблемы, когда он дозволял врачам допустить смерть безнадежного пациента

от удушья, обезвоживания или голода, но не дозволял разом прекратить страдания смертельной инъекцией.

Ночью она мысленно возвращалась к той фотографии близнецов и еще десятку таких же, которые ей пришлось изучать, и к детальной технической информации, которую она выслушала от медиков, – о том, что не так у младенцев, о том, как будут резать, разделять и сшивать детскую плоть, чтобы дать нормальную жизнь Марку, реконструировать его внутренние органы, поворачивать его ноги, гениталии и кишечник на девяносто градусов. В темной спальне тихо похрапывал рядом с ней Джек, а она словно заглядывала вниз, стоя на краю утеса. Фотографии Мэтью и Марка всплывали перед ее глазами, и она видела в них только слепое бессмысленное ничто. Микроскопическая яйцеклетка не разделилась вовремя из-за какого-то сбоя в последовательности химических событий, крохотного непорядка в структуре белковой цепи. Молекулярный дефект разросся как взорвавшаяся вселенная, приняв масштабы человеческой беды. Ни жестокости, ни отмщения, никакого духа с неисповедимыми путями. Только ошибка, записанная в гене, неправильная формула энзима, разрыв химической связи. Ошибка природы, столь же безразличная к человеку, сколь и бесцельная. Только ярче оттеняющая здоровую, правильно сформированную жизнь, так же случайно сложившуюся, так же без умысла. Слепой случай – явиться на свет со здоровыми органами на правильных местах, у любящих, а не у жестоких родителей, и по географической или социальной случайности избежать несчастья войны или нищеты. И насколько же легче тогда дается добродетель.

На какое-то время после этого суда она окоченела внутренне, стала равнодушнее, бесчувственнее, занималась делами, ни с кем не делилась. Но человеческое тело вызывало брезгливость, она не могла смотреть ни на свое, ни на его тело без отвращения. Как сказать об этом? Трудно поверить, что при ее юридическом опыте именно этот случай, один из множества, его тяжесть, анатомические подробности, шум вокруг него так глубоко ее проймут. На какое-то время что-то в ней окоченело вместе с бедным Мэтью. Это она отправила ребенка в мир иной, на тридцати четырех страницах четко обосновала ненужность его существования. Неважно, что с раздутой своей головой и бездействующим сердцем он был обречен умереть. Она была ничуть не более разумна, чем архиепископ, и стала думать, что окоченение ей поделом. Это чувство прошло, но рубец в памяти оставило, и не только на семь недель и один день.

Лучше всего не иметь бы тела и вольно парить, сбросив бремя плоти.

* * *

Стакан Джека, звякнув о стеклянную крышку стола, вернул Фиону в комнату и к его вопросу. Он все еще смотрел на нее. Если бы она и знала, в каких словах сделать признание, желания объясниться у нее не было. И вообще показать свою слабость. Ей надо закончить работу, дописать заключение и перечитать, ангелы ждут. Дело было не в ее душевном состоянии. А в том, что выбрал ее муж, и в том, что он оказывает нажим. Она вдруг опять разозлилась.

– В последний раз, Джек. Ты встречаешься с ней? Молчание я сочту за «да».

Но он тоже рассердился: встал с кресла, отошел от нее к роялю, положил ладонь на поднятую крышку клавиатуры и подождал, чтобы остыть перед тем, как повернется к ней. Молчание затянулось. Дождь перестал, дубы в парке застыли.

– Я думал, что выразился ясно. Пытаюсь быть откровенным с тобой. Мы с ней обедали. Ничего не было. Я хотел поговорить с тобой сначала. Хотел…

– Ты поговорил, и ты получил ответ. Что дальше?

– Дальше – скажи мне, что с тобой происходит?

– Когда был этот обед? Где?

– На прошлой неделе, на работе. Ничего не было.

– За таким «ничего» следует роман.

Он продолжал стоять в дальнем конце комнаты.

– Значит, так.

Он произнес это без выражения. Разумный человек, его терпение истощилось. Удивительно, он думает отделаться этой театральщиной. В свое время на

выездных сессиях пожилые неграмотные рецидивисты, иногда даже беззубые, играли лучше, размышляя вслух на скамье подсудимых.

– Значит, так, – повторил он. – Жаль.

– Ты понимаешь, что ты намерен разрушить?

– Могу спросить то же самое. Что-то происходит, а ты не желаешь мне сказать.

Пусть уходит, сказал голос в голове, ее собственный голос. И тут же ее охватил давний страх: она не может, не хочет коротать век одна. Две близкие подруги, ее сверстницы, давно лишившиеся мужей из-за развода, до сих пор страдают, входя в людную комнату без сопровождающих. И, помимо светских условностей, была еще любовь – она знала, что любит его. Хотя сейчас любви не чувствовала.

– Вот в чем твоя проблема, – сказал он оттуда, – ты никогда не считаешь нужным объясниться. Ты отдалилась от меня. Могла бы догадаться, что я это чувствую и огорчаюсь. Можно было бы перетерпеть, если бы думал, что это – временное, или понимал бы причину. Так что…

Тут он пошел к ней, но она так и не услышала конца фразы и не успела дать выход раздражению, потому что в эту секунду зазвонил телефон. Автоматически она взяла трубку. Она была дежурным судьей, и в самом деле – звонил ее секретарь Найджел Полинг. Как всегда, неуверенный до заикания. Но дельный и, что приятно, всегда держит дистанцию.

– Извините, что беспокою так поздно, миледи.

– Ничего. Я слушаю.

– Звонил адвокат, представитель больницы имени Эдит Кейвелл в Вандсворте. Требуется срочное переливание крови онкологическому пациенту, семнадцатилетнему мальчику. Он и его родители не дают согласия. Больница хочет…

– Почему они отказываются?

– Свидетели Иеговы, миледи.

– Понятно.

– Больнице нужно постановление суда, что процедура против воли родителей законна.

Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого.

– Сколько у нас времени?

– После среды, они говорят, будет опасно. Крайне опасно.

Она огляделась. Джека уже не было в комнате. Она сказала:

– Тогда поставьте слушание со срочным уведомлением на вторник, в два часа. И оповестите ходатаев. Проинструктируйте больницу, чтобы сообщила родителям. Они вправе подать заявление. Пусть мальчику назначат представителя в суде. Проинструктируйте больницу, чтобы завтра к четырем часам представила подтверждающие документы. Лечащий онколог должен представить письменное заявление.

На секунду она потеряла нить. Потом выдохнула и продолжала:

– Я захочу знать, почему необходимы препараты крови. А родители пусть приложат усилия, чтобы представить свои показания к полудню вторника.

– Будет сделано.

Она подошла к окну и посмотрела на площадь; в поздних июньских сумерках кроны деревьев налились чернотой. Но желтые уличные фонари пока что освещали только круги под собой на мостовой и тротуаре. Воскресным вечером машин было мало, и почти никаких звуков не доносилось сюда с Грейз-инн-роуд и с Хай-Холборн. Только шелест затихающего дождя в листьях да тихое музыкальное бульканье водосточной трубы. Соседская кошка щепетильно обогнула лужу и растворилась в темноте под кустом. Исчезновение Джека не огорчило. Их разговор приближался к мучительной откровенности. Конечно,

облегчение – остаться на нейтральной территории, на голой пустоши наедине с проблемами других людей. Опять религия. У нее свои утешения. Мальчику почти восемнадцать – возраст, когда по закону наступает автономия личности, – поэтому во главе угла будут стоять его желания.

Возможно, это извращение – увидеть в нежданной помехе перспективу свободы. На другом краю города подростка ждет смерть из-за того, во что верит он сам и его родители. Ее дело и обязанность не спасать его, а решить, что предписывают закон и разум. Ей захотелось увидеть мальчика своими глазами, вырваться из домашней трясины, а также из зала суда – хотя бы на час или на два, – поехать, разобраться в хитросплетениях, сформировать решение исходя из увиденного. Верования родителей могут быть подтверждением верований сына, а могут быть смертным приговором, которого он не смеет оспорить. По нынешним временам такое личное ознакомление весьма необычно. В восьмидесятые годы судья мог взять несовершеннолетнего под опеку суда и посещать его в камере, дома или в больнице. Благородный идеал как-то дожил до нового времени, помятый и заржавелый, как доспехи. Судьи замещали монарха и на протяжении веков были опекунами детей. Теперь эта обязанность перешла к социальным работникам CAFCASS[5 - Child And Family Court Advisory And Support Service – Служба консультации и поддержки по вопросам детского и семейного права.], которые докладывают суду. В прежней системе, неповоротливой и неэффективной, была человеческая составляющая. Теперь меньше задержек, больше надо проставить галочек, больше полагаться на чужие слова. Детские жизни хранятся в компьютерной памяти, аккуратно, но тепла там изрядно меньше.

Визит в больницу – это сентиментальная прихоть. Она отвернулась от окна и решила пока не ложиться. Села с недовольным вздохом и взяла текст решения по родительской тяжбе о воспитании еврейских девочек из Стамфорд-Хилла. Она снова держала в руках последние страницы с выводами, но не находила сил взглянуть на свою прозу. Не в первый раз на нее нападала оторопь из-за нелепости и бессмысленности своего вмешательства. Родители выбирают школу для своих детей – невинное, важное, будничное, частное дело из-за смертельной комбинации взаимного ожесточения и непосильных трат преобразуется в чудовищный канцелярский труд, в папки с юридическими документами, такие многочисленные и такие тяжелые, что их привозят в суд на тележках, в многочасовые ученые препирательства, отложенные решения, предварительные слушания. И все это дело медленно поднимается внутри судебной иерархии, разбухая, словно кривобокий воздушный шар. Если родители не могут прийти к согласию, решение вынужден принять закон. Фиона рассмотрит дело с

серьезностью и скрупулезностью физика-ядерщика. Рассмотрит то, что родилось из любви и закончилось ненавистью. Это дело следовало бы поручить социальному работнику, который за полчаса нашел бы разумный выход. Фиона вынесла решение в пользу Джудит, нервной рыжей женщины, которая, как сообщил секретарь, в каждом перерыве устремлялась по мраморным полам и через арки суда на Стрэнд, чтобы выкурить сигарету. Девочки будут по-прежнему учиться в выбранной матерью школе совместного обучения. Вплоть до восемнадцатилетия – после чего могут продолжить образование, если захотят. Фиона отдавала дань уважения общине харедим, сохраняющей вековые традиции и обычаи, и поясняла, что суд не касается конкретно вопросов веры, отмечая только, что она несомненно искренняя. Однако свидетели из общины, приглашенные отцом, отчасти подорвали его аргументацию. Один уважаемый член общины заявил, возможно, с излишней гордостью, что женщинам харедим надлежит посвятить себя созданию «надежного дома», и образования после шестнадцати лет для этого не требуется. Другой сказал, что даже мальчикам не принято давать профессию. Третий с несколько чрезмерной горячностью заявил, что мальчиков и девочек надо обучать раздельно, дабы они сохранили чистоту. Все это, написала Фиона, сильно расходится с доминирующей родительской практикой и общепринятым воззрением, что детей надо поощрять в их устремлениях. Такого взгляда и следует придерживаться рассудительному родителю. Она согласилась с мнением социального работника: если девочек вернут в закрытое общество их отца, они будут оторваны от матери. В противном случае это менее вероятно.

Но, самое главное, суд должен дать возможность детям по достижении ими совершеннолетия самим выбрать себе жизнь. Девочки могут предпочесть отцовский или материнский вариант религии, а могут искать удовлетворения в жизни как-то иначе. После восемнадцатилетия ни родители, ни суд решать за них не вправе. На прощание Фиона легонько дала по рукам родителю, заметив, что мистер Бернстайн прибег к услугам адвоката-женщины и воспользовался опытом назначенного судом социального работника – проницательной и неорганизованной дамы из CAFCASS. А также подразумевается, что он будет связан решением судьи-женщины. Ему следовало бы спросить себя, почему он отнимает у дочерей возможность получить профессию.

Конец. Завтра рано утром поправки будут внесены в окончательный текст решения. Она встала и потянулась, потом взяла стаканы из-под виски и понесла на кухню мыть. Теплая вода лилась на руки и успокаивала, и Фиона на минуту застыла в забытьи перед раковиной. Но прислушивалась – что там Джек? Урчание старого бачка сообщило бы ей, что он готовится ко сну. Она вернулась в

гостиную, чтобы погасить свет, и ее почему-то опять потянуло к окну.

На площади, недалеко от лужи, которую обогнула кошка, муж вез чемодан на колесиках. На ремне через плечо висел портфель, с которым он ходил на работу. Он подошел к своей машине – к их машине, – открыл ее, положил багаж на заднее сиденье, сел и завел мотор. Зажглись фары, повернулись передние колеса, чтобы он мог выбраться с тесного парковочного места, и она услышала слабый звук радио. Поп-музыка. А ведь он терпеть не мог поп-музыку.

Видимо, чемодан он собрал загодя, еще до разговора. Или же в перерыве, когда ушел в спальню. Она не испытывала ни смятения, ни злости, ни печали – только усталость. Подумала, что надо быть практичной. Если лечь сейчас, удастся обойтись без снотворного. Она вернулась на кухню, внушая себе, что не идет искать записку на сосновом столе, где они всегда оставляли друг другу записки. Ее и не было. Она заперла входную дверь и выключила свет в передней. В спальне был порядок. Она отодвинула дверцу гардероба и женским взглядом определила, что взял он три пиджака – самый новый был кремовый, от Гривса и Хоукса. В ванной она удержалась от того, чтобы открыть его шкафчик и узнать, что взято из несессера. Знала уже достаточно. В постель легла с единственной трезвой мыслью: очень старался пройти по передней тихо, чтобы она не услышала, и дверь закрывал воровато, сантиметрик за сантиметриком.

Даже это не остановило ее погружения в сон. Но спасительным сон не был, потому что через час ее окружили обвинители. Или просящие помощи. Их лица сливались и разделялись. Маленький близнец Мэтью с раздутой безухой головой и вялым сердцем просто смотрел на нее. Сестры Рэчел и Нора звали ее печальными голосами, перечисляли упущения, то ли ее, то ли свои. Подходил Джек, прижимался наморщенным лбом к ее плечу и ноющим голосом объяснял, что ее долг – предоставить ему более широкий выбор будущего.

В шесть тридцать зазвонил будильник, она порывисто села и непонимающим взглядом уставилась на пустую сторону кровати. Потом пошла в ванную готовиться к рабочему дню в суде.

Она отправилась обычным маршрутом от Грейз-инн-сквер к суду, стараясь не думать. В одной руке она несла портфель, в другой – раскрытый зонт. Свет был уныло зеленый, городской воздух холодил щеки. Она вошла через главную арку и, не желая вступать в пустячный разговор, только кивнула дружелюбному швейцару Джону. Она надеялась, что неприятности не очень отразились на ней внешне. Чтобы отвлечься, она стала мысленно играть сочинение, которое знала на память. Сквозь шум часа пик она слышала идеальную себя, пианистку, какой не суждено ей было стать, – безупречно исполняющую вторую партиту Баха.

Лето выдалось дождливое, городские деревья как будто разбухли, их вершины раздались, тротуары отмылись, машины в автосалоне на Хай-Холборн стояли чистенькие. Последний раз, когда она смотрела на Темзу, был прилив, река тоже вздулась, стала темно-коричневой, мрачная и мятежная, она всползала на опоры мостов, готовясь хлынуть на город. Но все спешили по своим делам, ворча, промокшие, но решительные. Струйное течение в верхней атмосфере нарушилось, отклонилось к югу и не пускает летнее тепло с Азорских островов, а засасывает морозный воздух с севера. Техногенные изменения климата, возмущение атмосферы из-за тающих океанских льдов, необычная солнечная активность, в которой никто не виноват, или непостоянство природы, ее древние ритмы – что-то из этого сказалось на планете. Или и то, и другое, и третье. Но что толку от объяснений и теорий в такой ранний час? Фионе и всему Лондону надо было на работу.

Когда она переходила Хай-Холборн к Чансери-лейн, дождь усилился и стал косым от вдруг подувшего холодного ветра. Потемнело, ледяные капли стучали по ее ногам, люди шли мимо, торопливо, молча, погруженные в себя. Потоком ехали машины по Хай-Холборн, шумно, напористо, безразличные к погоде; асфальт блестел в свете их фар, а у нее в голове снова звучало вступление, величественное адажио во французском стиле со смутным обещанием джаза в увеличенных аккордах. Но избавления не было: музыка тут же вернула ее к Джеку, потому что она выучила ее в подарок ему на день рождения, в апреле. Сумерки на площади, оба только что с работы, горят настольные лампы, у него бокал шампанского в руке, ее бокал на рояле, и она играет то, что терпеливо разучивала последние недели. После – его благодарные и радостные восклицания, слегка преувеличенное изумление перед ее памятью, их долгий поцелуй в конце, ее поздравление тихим голосом, его увлажнившиеся глаза, звон хрустальных бокалов.

Так заработал механизм жалости к себе, и она беспомощно стала вспоминать, как и чем его ублажала. Список был болезненно длинный – сюрпризом приглашения в оперу, поездки в Париж и Дубровник, в Вену и в Триест, Кит Джарретт в Риме (Джек, не ожидавший этого, попросил собрать маленький чемодан и с паспортом ждать его прямо с работы в аэропорту), ковбойские сапоги тисненой кожи, фляжка с гравировкой и – в честь проснувшейся у него страсти к геологии – геологический молоток девятнадцатого века в кожаном чехле. Чтобы порадовать его второе отрочество в пятьдесят лет – труба, когда-то принадлежавшая Гаю Баркеру. Эти приношения были лишь долей счастья, к которому она его влекла, а секс – лишь частью этой доли и только в последнее время – прорухой, раздутой им в огромную несправедливость.

Печаль и подсчет обид – но настоящий гнев еще был впереди. Женщина пятидесяти девяти лет покинута в младенчестве преклонного возраста и только учится ползать. Заставив себя снова вспомнить партиту, она свернула с Чансери-лейн в узкий проход, который вел к архитектурным великолепиям Линкольнз-инн. Проходя мимо Большого зала, она слышала сквозь стук капель по зонту живое, в темпе ходьбы анданте – редкое нотное указание у Баха – и шагала в такт неземной беззаботной мелодии над неторопливым басом. Ноты тянулись к какому-то ясному человеческому смыслу, но ничего не означали. Только чистую красоту. Или любовь, размытую, абстрактную, ко всем людям без разбора. К детям, может быть. У Иоганна Себастьяна их было двадцать в двух браках. Работа не мешала ему любить и обучать детей – тех, что выжили, – заботиться о них и сочинять для них. Вернулась неизбежная мысль вместе с началом трудной фуги, которой она овладела из любви к мужу и сыграла на полном ходу, без помарок, с внятным разделением голосов.

Да, сама бездетность ее была фугой – бегством, – сейчас она отгоняла от себя эту назойливую мысль: бегством от истинного своего назначения. Не смогла стать женщиной в том смысле, как понимала это слово ее мать. Пришла она к этому в медленном, двадцатилетнем контрапункте с Джеком; возникали диссонансы, уходили, и она вносила их снова, под влиянием тревоги, даже ужаса: детородные годы пролетали и кончились, за делами она почти и не заметила – как.

Эту часть лучше рассказать быстро. После выпускных другие экзамены, принята в коллегию адвокатов, стажировка, счастливое приглашение в престижные корпорации барристеров, очень рано успешные защиты в безнадежных делах – разумно, казалось, отложить ребенка до после тридцати. А когда наступили эти

«после» – новые, серьезные, стоящие дела, новые успехи. Джек тоже колебался, считал, что стоит отложить еще на год или два. Затем середина четвертого десятка, он преподавал в Питтсбурге, она работала по четырнадцать часов в сутки, все больше смещаясь в область семейного права, между тем как мысль о собственном ребенке тускнела, несмотря на визиты племянников и племянниц. В последующие годы – первые слухи, что ее могут раньше обычного выбрать судьей с выездами по округам. Но приглашение задерживалось. На пятом десятке возникли страхи перед поздней беременностью и возможным аутизмом у будущего ребенка. А вскоре новые юные гости на Грейз-инн-сквер, шумные и деятельные, внучатые племянники и племянницы напомнили ей, как трудно было бы втиснуть младенца в ее жизненный распорядок. Затем – печальные мысли о приемном ребенке, неуверенное наведение справок и, в ускоряющемся беге лет, мучительные приступы сомнения, твердые ночные решения насчет суррогатного материнства, отметаемые в утренней спешке перед работой. И когда, наконец, в девять тридцать утра, в Доме правосудия, лорд главный судья привел ее к присяге на верность короне и к судейской присяге перед двумя сотнями коллег в париках, и она гордо стояла перед ними в мантии, слушая остроумную речь о себе, ей окончательно стало ясно, что песенка спета, что вся она принадлежит закону, наподобие невест Христовых в Средние века.

Через Нью-сквер она подошла к книжному магазину «Уайлдис». Партита в голове стихла, но началась другая старая тема: самообличение. Она эгоистка, придира, холодная, честолюбивая. Преследует собственные цели, притворяясь перед собой, будто ее работа не просто самоудовлетворение, ради которого она отказала в жизни двум или трем душевным и талантливым существам. Если бы ее дети существовали, страшно было бы подумать, что их могло не быть. И вот ее наказание: встретить беду в одиночестве, без разумных взрослых детей, их телефонных звонков и заботы – сейчас они оставили бы работу ради срочного совещания за кухонным столом и вразумляли глупого отца, чтобы вернулся? Но приняла бы она его обратно? Им пришлось бы и ее вразумить. Почти воплотившимся детям: хриплоголосой дочери, может быть, музейному куратору, и талантливому, еще не вполне нашедшему себя сыну, слишком разнообразно одаренному, бросившему учение, но гораздо лучшему пианисту, чем она. Оба всегда нежны с ней, украшение жизни в рождественские дни, в отпусках (летом в замках), в играх с маленькими родственниками.

Она прошла мимо книжного магазина, не соблазнившись юридическими книгами в витрине, перешла Кейри-стрит и через задний подъезд вошла в Дом правосудия. По сводчатому коридору, потом по другому, вверх по лестнице, мимо судебных залов, потом вниз, через двор, и остановилась перед лестницей,

чтобы стряхнуть зонт. Здесь атмосфера напоминала о школе – запах сырого холодного камня, легкая нервная дрожь страха и возбуждения. Она не поехала на лифте, а поднялась пешком и, тяжело ступая по красному ковру, повернула направо к широкой площадке, куда выходили двери многих судей – наподобие рождественского календаря, думалось ей иной раз. В просторных солидных кабинетах ее коллеги ежедневно углублялись в дела, в лабиринты аргументов и контраргументов, и развеяться помогала только шутливая болтовня, ирония. Большинство ее знакомых судей упражнялись в изощренном юморе, но сегодня утром поблизости не нашлось желающих ее позабавить, и это радовало. Наверное, она пришла первой. Ничто так живо не выгонит из постели, как семейная буря.

Она остановилась в дверях. Учтивый и нерешительный Найджел Полинг, склонившись над ее столом, раскладывал документы. Последовал, как всегда по понедельникам, ритуальный обмен впечатлениями от выходных. Ее прошли «тихо», и, произнеся это слово, она вручила ему исправленный текст решения по делу Бернстайнов.

Сегодняшние дела. В марокканском, назначенном на десять часов, подтвердилось, что отец вывез девочку в Рабат, несмотря на обязательство явиться в суд, неизвестно их местонахождение, никаких известий от отца, его адвокат в недоумении. Мать наблюдается у психиатра, но в суд явится. Предполагается действовать в соответствии с Гаагской конвенцией – Марокко, к счастью, единственная исламская страна, ее подписавшая. Все это Полинг проговорил торопливо, извиняющимся тоном, нервно проводя рукой по волосам, словно он был братом похитителя. Несчастная, бледная, исхудавшая женщина, университетская преподавательница, специалист по сказаниям Бутана, дрожавшая в суде, обожающая единственного ребенка. И отец, тоже любящий дочь на свой кривой лад, спасающий ее от пороков неверного Запада. Документы ждали ее на столе.

Остальные сегодняшние дела были ей уже ясны. Подойдя к столу, она попросила документы по делу иеговистов. Родители подадут ходатайство о срочной правовой помощи, и врачебное свидетельство будет представлено во второй половине дня. У юноши, сообщил секретарь, редкая форма лейкоза.

– Дадим ему имя, – резко сказала она, и сама удивилась своему тону.

Под нажимом Полинг становился более спокойным, даже слегка язвительным. И теперь сообщил больше информации, чем ей требовалось.

– Разумеется, миледи. Адам. Адам Генри, единственный ребенок. Родители – Кевин и Наоми. Мистер Генри – хозяин небольшой компании. Земляные работы, дренаж и тому подобное. По-видимому, виртуоз землеройной машины.

Просидев двадцать минут за столом, она вышла на площадку и по коридору дошла до ниши с кофейным автоматом. Гиперреальные кофейные зерна, коричневые и посветлее в стеклянных конусах, подсвеченные изнутри, выглядели живописно в сумраке ниши, точно иллюминированный манускрипт. Капучино, еще с добавкой, может, с двумя. Лучше начать пить прямо здесь – здесь без помех она могла представить себе с отвращением, как Джек сейчас вылезет из непривычной постели и будет собираться на работу, а рядом с ним полусонное существо, хорошо обслуженное в предрассветные часы, завозится в липких простынях, пробормочет его имя, позовет обратно. В яростном порыве она выхватила телефон, пролистала номера до слесаря на Грейз-инн-роуд, дала ему четырехзначный ПИН и попросила сменить замок. Конечно, мадам, не задержим. Ключи от старого у них есть. Новые ключи будут доставлены сегодня же на Стрэнд и больше никому. Затем, сразу же, с горячей пластиковой чашкой в руке, пока не передумала, она позвонила помощнику управляющего зданиями, добродушному мужику, и предупредила, чтобы ждали слесаря. Ну что ж, она злая, и это ей было приятно. Должна быть расплата за то, что ее бросили, – изгнание, пусть еще постучится в прошлую жизнь. Она не позволит ему роскошь двух адресов.

Возвращаясь по коридору с чашкой, она уже удивлялась своему нелепому правонарушению: воспрепятствование законному доступу – стереотипная ситуация при распаде семей; адвокат всегда посоветует – жене, как правило, – воздержаться от этого до судебного распоряжения. Профессиональная жизнь прошла над схваткой – в качестве советчика, а потом судьи – с высокомерными разговорами в частном порядке о злобе и нелепости разводящихся супругов, а теперь и сама туда же, по той же безотрадной дорожке.

Мысли ее были неожиданно прерваны. Повернув на площадку, она увидела в двери судью Шервуда Ранси, он поджидал ее, с ухмылкой потирая руки в подражание театральному злодею – показывая, что имеет нечто сообщить. Шервуд был в курсе всех местных сплетен и с удовольствием их передавал. И он был одним из немногих коллег – если не единственным, – кого она старалась

избегать. Не потому, что он был неприятен. Наоборот, он был очаровательным мужчиной и все свободные часы посвящал благотворительной организации, которую давно основал в Эфиопии. Но у Фионы с ним было связано тяжелое воспоминание. Четыре года назад он разбирал дело об убийстве – история, о которой до сих пор было жутко думать и мучительно – молчать, как принято. И это – в славном маленьком мирке, в деревне, где они привычно прощали друг другу оплошности, где всем иногда доставалось от Апелляционного суда, грубо отменявшего их решения. Но то была одна из тяжелейших ошибок правосудия в современности. И у Шервуда! К всеобщему изумлению и ужасу, он с необъяснимой доверчивостью принял мнение математически невежественного свидетеля-эксперта и отправил невиновную безутешную мать в тюрьму за убийство собственных детей – чтобы ее травили сокамерницы и демонизировала бульварная пресса. Первая ее апелляция была отклонена. Когда ее, наконец, освободили, она спилась и умерла.

Дикая логика, приведшая к этой трагедии, до сих пор не давала Фионе спать по ночам. На суде сообщили, что вероятность синдрома внезапной детской смерти – одна девятитысячная. Следовательно, утверждал эксперт обвинения, вероятность смерти двух детей одних и тех же родителей – это число, умноженное на себя. Восемьдесят одна миллионная. Почти невероятное событие, то есть мать, очевидно, приложила к этому руку. Мир за стенами суда был в изумлении. Если причина синдрома генетическая, она относится к обоим детям. Если причина – в окружающей среде, она тоже относится к обоим детям. Если обе эти причины – они относятся к обоим детям. И напротив: какова вероятность того, что в благополучной, нормально обеспеченной семье двое младенцев будут убиты матерью? Но возмущенные статистики, эпидемиологи и специалисты по теории вероятности были бессильны вмешаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/ien-makuen/zakon-o-detyah/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Линкольнз-инн, Миддл-темпл, а также Иннер-темпл и Грейз-инн – четыре судебных инна, корпорации барристеров, т. е. адвокатов, имеющих право выступать в высших судах.

2

Шекспир У. «Антоний и Клеопатра» (пер. О. Сороки).

3

Шекспир У. «Антоний и Клеопатра» (пер.

М. Донского).

4

Не беспокоить (фр.).

5

Child And Family Court Advisory And Support Service – Служба консультации и поддержки по вопросам детского и семейного права.

Купить: https://tellnovel.com/ien-makyuen/zakon-o-detyah-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити